

ВАЧА

Знаменитое, высококое: "Я на Вачу еду плачу, еду с Вачи хохочу". Вача - это речка в нашем бодайбинском районе. Течет себе бурно, несет по дну золотишко. Естественно, там участки старательские. Мужики пашут по полгода, с весны до глубокой осени, сухой закон. Потому, как сезон заканчивается, некоторые, пока все в Бодайбо не пропьют, не останавливаются. А потом вновь полгода организму передышка.

Так вот, В.С. нашел очень мягкую метафору - "хохочу". Ни хрена они не хохочут. И не плачут. Ни туда, ни обратно. Спят, или людям нервы мотают.

Я приехал в аэропорт за полчаса на "свой" вертолет. Да, свой. Я его вчера у секретаря ГК КПСС дяди Кеши выцыганил для полета на Вачу. Дядя Кеша в последние годы был очень злым - у него рос горб. Поэтому, если раньше мне бы это обошлось обычной дружеской беседой, то теперь пришлось пить по черному. Правда, и он оказался не в накладе - заставил меня написать полоску про поездку в местный родной "Ленский шахтер", газету, гонорары которой поддерживали мою, и моего дружка Коли Хена, финансовую независимость в последние школьные годы - на портвейн всегда хватало.

А дядя Кеша, вдобавок ко всему, стал еще и мазохистом. Отправляя стопку в рот, он неизменно повторял опять же высококое: "А теперь Горбатый!"

Но вертолет все же дал.

И вот я уже представлял в красках нашу встречу - меня и моего лучшего друга, Юры Ронженина, который был начальником участка на Ваче... Какой на хрен сухой закон!

У входа на летное поле стоял представительный мужчина в небольшой геологической бородке. Терпеть их не могу.

- Ваш вертолет?

- Ну, мой. А что?! - Угрюмо ответил я.

- Нас в нагрузку до участка.

- Кого это - вас?

- Меня и бульдозериста.

- А где он?

- Вон.

Он кивнул на валяющееся у ближней лавочки тело.

- Че он у тебя на земле?

- Там ему и место. Да ложил я его на лавочку, ложил. Спадает. А, ну его на хрен!

Если бы - на хрен. Пришли пилоты : "Загружайтесь, если есть что грузить". Мы поперли бульдозериста в вертолет. Весил он килограмм 100. Да еще и тело было обвисшим, считай, все 120. Мы взлетели, и он тут же сел, протер глаза, и захрипел.

- Лексеич! Дай четвертинку.

- Нету.

- Дай.

- Нету.

- Дай, а то расшибу машину.

Лексеич достал четвертинку, посмотрел на часы.

- Через 10 минут.

- Лады.

- Ты что, хронометрируешь? - Спросил я у Лексеича.

- А то. Все на научной основе.

Это "все на научной основе" за время полета возникало еще два раза. На участке я познакомился с замечательным подопытным. Он был спокойным и миролюбивым. Но потом стырил у меня книгу американского политолога Стивена Козна с дарственной надписью. И как мы с Юрой не взывали к его совести и благоразумию - "ну на хера она тебе" - не отдал.